

Анатолий ГРЕШНЕВИКОВ

г. Москва

Белов и Борисозлеб

Монастырские ворота открылись не сразу, скрипнули, подождали и застыли на прежнем месте. Белов уверенно, твердой рукой сделал еще один нажим на деревянную плаху. Тут уж дверь подалась и пропустила нас во двор.

Морозный ветерок сразу стих. За монастырской стеной ему не удалось разгуляться, он наткнулся на кирпичную стену, бросился в сторону высокой колокольни, но, разорванный на клочья, потерявший силу, тут же пропал.

Мы перекрестились, оглядели тихую обитель и двинулись к ладно срубленной деревянной часовенке.

– Это и есть часовня Саши Рыбникова? – спросил Василий Белов, стягивая во второй раз с головы зимнюю шапку.

– Да, это она, – ответил я. – С нее и началось возрождение родины преподобного Сергия Радонежского. Вернее, вначале был поставлен поклонный крест, а затем и эта красивая часовенка.

– Крепко срублена, как в старину. По древним чертежам, видимо. Скажи, на этом месте находился родительский дом, в котором родился преподобный Сергей?

– Где стоял дом?! Не знаю. Он, естественно, не мог сохраниться, столько столетий прошло. Но достоверно известно, что именно здесь жили его родители – знатные бояре Кирилл и Мария. А сам монастырь основан был в 1427 году.

– На месте рождения преподобного?! Здесь ведь родился великий русский подвижник?

– Совершенно правильно.

– А как точно называется монастырь?

– Ростовский Троице-Сергиев Варницкий монастырь.

– Тихое здесь место, особое, – задумчиво произнес Белов и вошел в часовню.

Несколько картонных иконок, аккуратно расставленных на тесноватых полках, хранили уют небольшого помещения. Запах свежей древесины перемешался здесь с ароматом давно погасших свечей.

Белов дотошно осмотрел часовенку, погладил шершавые еловые бревна. Святая земля взволновала его, а недавно срубленная часовня поразила сходством с древними подобными сооружениями. Жаль, в эти минуты рядом не стоял сам реставратор Александр Рыбников, ему следовало бы видеть встречу знаменитого писателя с первым памятником архитектуры на земле Сергия Радонежского, как он был доволен, просветленно радостен. В его уставших глазах я заметил добрый свет. Тотчас вспомнились слова другого прекрасного русского писателя Валерия Хайрюзова, побывавшего в монастыре раньше Белова, сказанные в виде меткой поговорки: «Моим глазам свидетелей не надо!» Первые его слова одобрения работы реставратора звучали просто, это, мол, настоящая мастер и работает он добротню, профессионально. Но они как-то меньше задевали за живое. Один недоброжелатель написал в газету статью о том, что Рыбников никудышный мастер, а его друзья покрывают его. Среди друзей в первую очередь называлась моя фамилия. В статье, пронизанной вымыслом и ложью, делалась попытка убедить читателя, что реставратор вместе со мной не спасает памятники древнерусского зодчества, а уничтожает их, а средства, отпущенные государством на реставрацию, разворовывает. И в такой ситуации Валерий Хайрюзов вынужден был сказать, после знакомства с восстановленными Рыбниковым памятниками, очень верные слова: «Моим глазам свидетелей не надо!»

Действительно, какие могут быть другие аргументы и доказательства правоты реставратора, если не сами спасенные от разрухи и заново восстановленные памятники. Достаточно посмотреть на них, и станет ясно – уничтожает их реставратор

или спасает. Глаза для того человеку и даны, чтобы увидеть реальность, отличить белое от черного. И если Хайрюзов увидел часовню на месте бывшей помойки и оценил труд мастера по достоинству, то что бы он потом ни читал в газетах про этого мастера, он остался бы верен своим наблюдениям и впечатлениям.

По восторженным глазам Василия Белова я догадался, что ему тоже не нужны другие аргументы. Он доверяет увиденному.

В прошлом году мы с Рыбниковым гостили у Белова в его родной деревне Тимониха. И уже тогда в отреставрированном писателем храме я заметил, как быстро они сошлись на профессиональной теме – теме охраны и восстановления памятников архитектуры, как поняли друг друга и прониклись уважением. Белов рассказывал о том, сколько времени и сил у него уходило на борьбу с чиновниками разного масштаба при уговорах не сносить древнюю церквушку или бревенчатый домик с редким мезонином и крыльцом. А Рыбникову доставляло удовольствие вспоминать о уже восстановленных им древнерусских храмах, так как давно не находил такого внимательного, грамотного собеседника.

Тогда Василий Белов имел возможность познакомиться лишь с самим реставратором, присмотреться к нему, узнать его характер, пристрастия, планы. Сегодня у Белова появилась возможность увидеть наяву те архитектурные памятники, к которым прикоснулась рука реставратора.

Я настороженно следил за первыми минутами знакомства писателя с творчеством реставратора. Одно дело доверие, расположение, личные симпатии. Другое дело – увиденный результат работы мастера. Бытуют ведь в жизни парадоксы: человек говорит одно, а дела его свидетельствуют о другом.

Бескомпромиссность и прямолинейность Белова известны. Ради правды о крестьянстве он готов, например, резать правду-матку в глаза любому высокопоставленному начальнику и близкому коллеге по литературному цеху.

В общем, Белову свойственно обостренное чувство правды и справедливости. Ради правды он готов на серьезные, высокие поступки... Потому-то я и переживал, как отзовутся в душе писателя его впечатления от увиденных отреставрированных памятников архитектуры. Недавно Белов прислал Александру Рыбникову письмо ко дню рождения: «Дорогой юбиляр! Поздравляю, желаю здоровья и многих лет, и многих добрых дел во имя Родины!» В конверте – подарок, брошюра «Троицкое чудо», и трогательная надпись на ней:

«Дорогой Александр Станиславович! Вашу работу я сравниваю с Троицким чудом, описанным в этой брошюре. Реставратор – это свидетель Бога! Белов. Вологда». Оправдаются ли сегодня слова писателя, адресованные реставратору до посещения монастырей и церквей? Подтвердится ли сказанное и ожидаемое? Вдруг Белову не понравится качество реставрационных работ?! Тогда жди неприятного разговора.

Перед тем как прийти в Троице-Сергиев Варницкий монастырь, мы заглянули на территорию двух ростовских церквей: Паисия и Уара и Воскресенской. Они располагались недалеко от монастыря и входили в черту села Варницы. Рыбников восстанавливал эти полуразрушенные храмы лишь после проведения научных изысканий и подготовки проектно-сметной документации. Хорошим подспорьем в реставрации стали для него рассказы местной жительницы Марии Ефимовны Волковой о дореволюционном состоянии слободской церкви Воскресения. Несмотря на свой девяностолетний возраст, она отчетливо сохранила в памяти все детали внешнего и внутреннего убранства храма, сберегла в домашнем архиве редкие фотоснимки, на которых были запечатлены и годы процветания храма, и годы его уничтожения. Рыбников часто приезжал к старушке за консультациями. И когда церковь Воскресения ожила, преобразилась и стала узнаваемой при сравнении со старыми фотографиями, то Мария Ефимовна одобрила работу реставраторов.

При осмотре церкви я показал эти фотографии Белову. На них церковь Воскресения выглядела нарядной, построенной в строгих классических формах, с внушительными барабанами и мощными куполами. В новом отреставрированном виде она повторяла старый облик. Белов строго посматривал на кокошники и красные кирпичные наличники, на стены колокольни и трапезной. Еще пристальней разглядывал фотоснимки... Сравнение старых построек с новыми не оставило его равнодушным. Он остался доволен работой Рыбникова. А установка колонн, восстановление классического портика даже изумили писателя. Добиться нужного качества и сходства мог только старательный мастер.

Похвала писателя сняла с моей души груз сомнений. Разделяя доброе впечатление о работе реставратора, я пересказал Белову секрет Рыбникова – как современным мастерам удалось сделать капитель с колоннами, а также отлить и вылепить сложный декор. «Сколько же времени Рыбникову пришлось здесь вымерять каждую деталь?!» – удивленно повторял и вопрошал Васи-

лий Иванович, обходя вокруг один храм, затем другой. Мне известно было, как действительно долго реставратор со своей артелью вымерял купола, наличники, алтарь и как много ему пришлось вычертить на бумаге обмерных чертежей! Именно подобный добросовестный труд подвиг меня к написанию о секретах реставратора Александра Рыбникова серии журнальных очерков.

После того как Белов увидел деревянную часовню в монастыре и она также вызвала в нем положительный отклик, я вновь вспомнил и оценил по достоинству слова Валерия Хайрюзова: «Моим глазам свидетелей не надо». Придирчивый писатель с прямолинейным характером окончательно снял напряженный вопрос, невольно существовавший между нами, о профессионализме реставратора. Признание состоялось. И я легко говорил теперь с Василием Ивановичем об истории здешних мест, о строительстве в Варницах знаменитого монастыря.

– Основан монастырь в 1427 году, после обретения мощей Сергия Радонежского. Начиная строительство епископ Ефрем. О том есть запись в летописях о ростовских архиереях. В них, кстати, и упоминается тот факт, что монастырь заложен на том самом месте, где стоял дом отца преподобного Сергия Радонежского.

– А первоначально монастырь, должно быть, рублен был из дерева?! – продолжал проявлять интерес Белов к святому месту.

– Конечно, – киваю головой я. – Каменное строительство началось в здешних местах в 1771 году при епископе Ростовском Афанасии. Он в прошлом был архимандритом Троице-Сергиевой лавры. И нынче этот монастырь подчиняется напрямую Троице-Сергиевой лавре.

– Миную областную епархию?..

– Да.

– Сохранилось ли что в монастыре от времен Сергия Радонежского?

– Разве что один колодец.

– А от прежнего монастыря какие-нибудь здания остались?

– Никаких признаков монастырской жизни здесь до недавнего времени не сохранилось. Пустырь, огороды и громадная помойка. Все это «богатство» знаменитой обители и застал Рыбников. Монастырь в коммунистические времена весь был разрушен, до основания. Сохранилась от него лишь небольшая часть здания Введенской церкви, в котором размещался до последнего времени инкубатор для куриц. Еще пара жилых построек осталась. Это бывшие кельи. В них до сих пор люди живут.

– Оставшиеся стены церкви – это уже много. Особенно замечательно, что сохранился святой колодец. Где он? Пройдем к нему.

В наш разговор вмешался незаметно подошедший бригадир, строящий монастырские стены. Мне он был знаком. После того как мне удалось добиться выделения федеральных средств на восстановление Введенской церкви, я не раз приезжал в монастырь, и он показывал на объекте, как идет освоение этих средств.

– Колодец выкопан самим преподобным, – пояснил он, поздоровавшись с нами.

– Чудесно! – сказал Белов, и лицо его вдруг стало поразительно благообразия, вместо задумчивости появилось живое любопытство.

Он сам отыскал глазами колодец и неторопливо побрел к нему, опираясь слегка на дорожную трость.

– Святой колодец – четырнадцатого века, – продолжил рассказ бригадир. – Вода в нем целебная, чистая. Испробуйте, пожалуйста.

– А нельзя ли познакомиться с настоятелем монастыря? – спросил Белов.

– Отца Силуана сейчас нет, – сочувственно произнес бригадир. – Он в отъезде, будет лишь к вечеру.

Над колодцем возвышался деревянный домик с небольшим оригинальным куполом и крестом. На крыше плотно лежал красивый волнистый снег. Толстые резные столбы, квадратный пояс из стройно выстроенных балясин придавали колодцу сказочный былинный вид.

Перед иконой, спрятанной под козырьком кры-

ши, перед колодезным срубом Василий Иванович снял шапку и в который раз усердно перекрестился, тихо, едва шевеля губами, произнес короткую молитву. Для него жизнь и деятельность русского подвижника и духовного вождя Руси Сергия Радонежского давно стала предметом пристального изучения и поклонения. Сколько раз перед поездкой в Борисоглеб он спрашивал меня, действительно ли ему удастся посетить родину великого подвижника и поклониться земле, давшей Руси вдохновителя Куликовской битвы и освободителя от татаро-монгольского ига, объединителя русских земель и создателя огромного количества православных монастырей? Услышав положительный ответ, он все равно при случае напоминал мне, почему ему надо непременно побывать на этой святой земле. Его утверждение о том, что Сергей Радонежский как никто в нашем Отечестве положил массу своих сил для единения нации, формирования ее национального самосознания, укрепления ее нравственных и духовных основ, окончательно подвигло меня к тому, что знакомство писателя с достопримечательностями моих родных мест начнется с Троице-Сергиева Варницкого монастыря. Тем более реставратор Рыбников также предлагал писателю посмотреть здесь его часовню и поклонный крест.

Вместе с Беловым мы подняли тяжелую крышку колодца и опустили в глубь сруба, дышащего холодом, звонкое ведро. Характерный скрип цепи сопровождал движение ведра, бьющегося о дерево.

Троице-Сергиев Варницкий монастырь

Василий Иванович одной рукой придерживал вращающийся барабан, а другой – железную ручку.

– Знаешь ли, дорогой мой эколог Анатолий Николаевич, что первым экологом на Руси был преподобный Сергей?! – улыбнулся, глядя на меня, Василий Иванович. – Когда к преподобному повадился ходить медведь за хлебом, то он отдавал ему последний кусок, а сам голодал. Так-то. Ну а когда хлеба не было, то они оба голодали. И медведь при этом не трогал монаха. Вот оно, единение человека с природой, с животным миром. Сожительство в гармонии, без страха и упрёка. Сергей выращивал злаки, возделывал огородные грядки, испекал хлеб, делал запасы на зиму... Медведь мирно соседствовал и сторожил человека.

– Мне тут к вашему рассказу и добавить нечего, – признался я. – Все экологи готовы уступить пальму первенства Сергию Радонежскому.

Из сруба показалось ведро с водой.

– Возьми ведро, у меня рука сломана, –скомандовал Василий Иванович.

Я перехватил ведро и поставил его на край сруба. Игривая вода плескалась из края в край.

Неожиданный рассказ Белова о том, как Сергей Радонежский жил в ладу с природой и лесным медведем, как познавал тайны природы, а вместе с ней и себя, конечно же, тронул мою душу. И прежде чем испить святой водицы, я пребывал некоторое время в задумчивости и растерянности, то есть под впечатлением услышанного. Действительно, писатель привел яркий пример того, как надо человеку искать сотрудничества с природой и как следует ему жить, не покушаясь на ее покорение и уничтожение.

Белов осторожно отодвинул меня плечом в сторону и наклонил голову над ведром с водой. Сделал глоток, потом второй... Постоял в раздумье, смакуя вкус воды. Мне захотелось тоже попить колодезной воды, я взялся рукой за ведро, однако Василий Иванович вновь отстранил меня.

– Трудно распробовать вкус, – признался он. – Уж очень холодна. Аж зубы заходятся.

– Не спешите, – посоветовал бригадир строителей. – Может, вам кружку дать? Мы пьем каждый день эту воду... Нам нравится.

– И мне понравилась, – добавил Василий Иванович, приложившись еще раз губами к играющей бликами воде.

Место около ведра освободилось. И только я успел глотнуть колодезной воды, как около нас появилась шустрая, улыбчивая старушка. В ней я узнал Марию Ефимовну Волкову. Год назад она вносила коррективы в мой очерк о реставрации здешних памятников архитектуры. Материал был опубликован в столичном журнале «Природа и человек».

– Позвольте мне, молодые люди, водички набрать домой, – попросила старушка, осмотрев острым глазом каждого из нас. – Вы напились, уступите мне ведерко.

Пока местная жительница переливала воду из ведра в ведро, Белов расспросил ее об истории села, о его нравах, обычаях, праздниках. Мария Ефимовна поддалась расспросам и охотно стала пересказывать истории о былом... Как молодые девки в дореволюционные времена ходили здесь в кокошниках с тонкой кружевной вязью, а за ними бродили кудрявые парни с гармонями и балалайками. По всей округе разносились разудалые русские песни, те, что из глубины веков. Им вторило то лесное эхо, то с берега реки Ишни откликались рудами соловьи. Белову понравилось признание старушки о том, что в здешнем лесу позаречью эхом аюкались мелодии давних прабабушек.

– Мелодию хоть одну помните? – переспросил, сверкнув озорно глазами, Белов. – Хоть пару куплетов?!

– Могу спеть, – предложила Мария Ефимовна. – Знаете такие слова: «Что же ты, соловушка, невел сидишь?»

– Откуда же мне знать?! – удивленно повел бровями Белов.

– Зачем тогда петь? Не буду. А ты откуда приехал, мил человек, в наши края?

– Из Вологды, бабушка.

– Ой, как далеко заехал. Решил побывать в нашем монастыре?

– Отчего же не побывать?! Монастырь, оказывается, знаменитый... Основан на родине Сергия Радонежского. Слышали о таком человеке?

– Как же, как же? Знаю. Грамотная ведь. Это наш святой... Он дружил с князем Дмитрием Донским. Благословил его на битву с неверными. А вообще, он жил в чистоте сердца, в мире с совестью и людьми.

– Еще вот смотрю, как реставраторы здесь работают. По всем ли правилам срубил реставратор Рыбников часовню?!

– Они трудятся хорошо. А вы Сашу Рыбникова знаете?!

Белов утвердительно кивнул головой.

Разговорчивая старушка не узнала меня, и я решил не называть себя, не напоминать о нашей встрече, о том, что я знаю Рыбникова.

День хоть и выдался зимний, но оказался как на заказ – солнечным, безветренным.

Двор монастыря походил на строительную площадку. Повсюду громоздились штабеля длинных досок и квадратные пачки красного кирпича.

– Его я давненько здесь не видела, – с грустью в

голосе сказала Мария Ефимовна. – И на другом храме он уже не работает. Раньше я иду, смотрю, а он все что-то меряет, меряет, смотрит в бумаги... Раз двадцать меня спросит, как раньше храм выглядел и есть ли сходство сейчас.

– А кто-то говорит, что плохой он мастер, – вмешиваюсь в разговор я, нарочно провоцируя старушку на откровенность. – В газете даже написали...

– Раньше в газете плохо писали только про пьяниц, – строгим взглядом посмотрела в мою сторону собеседница. – И осуждали одних пьяниц. Теперь все вверх ногами пошло. Про хороших людей, как про пьяниц, плохо стали писать и говорить. Негоже это. Саша Рыбников заслуживает похвалы.

– Вот и я говорю Василию Ивановичу, – улыбка легко прорвалась на моем лице сквозь напускную суровость. – Не надо верить всей пишущей братии. Он – писатель, знает, как можно легко очернить человека...

– Толя, не наговаривай на меня, – возразил Белов, не поняв шутки. – Я сразу оценил работу реставраторов.

– Вы правда писатель? – спросила Белова старушка.

И как только Белов дал ответ кивком головы, старушка тотчас стала советовать ему, о чем следовало писать. Про разоренные деревни, воровство электрических проводов... Белов продолжал кивать головой и безмолвно внимать одухотворенной красоте зимнего монастыря. По тому, как погасли искорки в его любопытствующих глазах, я понял: пора искать повод для прощания с собеседницей. Но неожиданно он сам прекратил беседу. Вспомнил, как в их вологодских краях несколько мужиков сгнуло на проводах, не успев обогатиться за счет воровства, и сказал, что во всех крестьянских бедах виновата власть.

– Пора нам ехать в Борисоглеб, – заключил Белов. – Там будем беседовать с народом, как правильно, безошибочно надо выбирать власть.

Мы побродили еще некоторое время по заснеженному монастырю, дошли до поклонного креста, установленного Рыбниковым в начале возрождения святой обители. Он могущественно и гордо возвышался над тихими сугробистыми лугами. Удивительная тишина сопровождала каждый наш шаг. Даже усталый молодой монах в черном одеянии, перекладывающий свежеспавшие широкие сосновые доски, не нарушал устоявшегося безмолвия. Не отрываясь от труда, он чутко внимал молчанию природы.

В ясно-голубых глазах Белова я прочел радость встречи с землей преподобного Сергия Рад-

нежского. В них долго светилось по-детски откровенное радостное умиление.

Машина шла тихо, легко цепляясь шинами за снежное полотно.

Белов без всякого напряжения, переживания вспомнил строки одного из самых замечательных правдивых стихотворений последних творческих лет. Он говорил, едва шевеля губами, и оттого каждая его строка звучала вызовом и протестом:

*С дубовых трибун и с гнилых парапетов,
Блюдя митинговую вашу страду,
Не стыдно ли вам перед белым-то светом
Истошно орать: «Накормите страну!»
Хотите забыть грабежи и расправы,
И слезы детей в заполярном снегу.
Но даже в дыму алкогольной отравы
Я эту обиду забыть не могу.
Учили меня вы пером и наганом,
Стыдили, корили под красным гербом,
Когда бунтовал – нарекли хулиганом,
Когда я терпел – обзывали рабом.
Прощаю вам все: отчужденье столыцы
И светлого Севера черную ночь,
Но хлеб из чужой, из заморской пшеницы,
Поверьте, жевать не хочу и невмочь.
Я всех накормлю...*

Но оставьте в покое

*На Древней Земле, у травы молодой!
Не трогайте избу мою над рекою
И белую церковь над синей водой!*

Вслушиваясь в смысл стихотворения, вспоминая попутно наши продолжительные разговоры о судьбах крестьянской России, я все больше приходил к мысли, понимал, что он, крестьянский писатель, не простил и никогда, видимо, не простит правителям России самого высокого ранга те преступления, которые они совершили против крестьянства. И не потому, что разорены миллионы русских деревенок и в будущем не выживет его родная деревня Тимониха, не потому, что он разделил сполна всю боль и трагедию русского крестьянства... А скорее всего, оттого, что считает, все нынешние беды страны уходят корнями в разгром и уничтожение русского крестьянства – оплота русской Державы.

Белов всегда мыслил по-государственному... И в стихотворных строках весомо прозвучали как раз его державный характер и сила.

В защите крестьянства Белов был последователен. Помнится, в студенческие годы мне попалась на глаза газетная статья писателя, имя которого фигурировало в списках обязательной для проч-

тения литературы. Но интерес к статье с названием «Полоса препятствий... для доярки» появился у меня не в связи с заданиями преподавателей, а потому, что я приехал в университет из деревни и меня интересовала ее проблематика. Прочел статью на одном дыхании... Оказывается, есть в стране писатели, которым знакома жизнь деревни не понаслышке, они справедливо критикуют чиновников за безразличие к ее жителям и бьются за должное нравственное и трудовое воспитание молодежи. Я был согласен с писателем на все сто процентов, что в наших средствах массовой информации слишком мало рассказывается о сельских профессиях и слишком много внимания уделяется пропаганде красивой жизни, дискотекам, «оглушающей музыке».

После прочтения стихотворения Белов со строгой озабоченностью посмотрел на мелькающие мимо деревенские дома, прислонил голову к сиденью машины и закрыл глаза. Композиция за окном выстраивалась унылая. Деревья, насыщенные летом теплом и сочной зеленью, таили в себе холод и мрак. На однообразных колхозных полях гулял тихий скучный ветер. Ничто в унылой зимней природе не могло расчувствовать беспокойную, мятущуюся душу писателя.

Правда, при въезде в Борисоглеб взгляд Василия Ивановича оживился. Оказавшись в Борисоглебе, мы сразу, без всякой остановки и осмотра местных достопримечательностей, завернули к моему дому и попали в объезд жены Галины. Она тут же накормила нас наваристым борщом и горячими котлетами. Впереди Белова ждала встреча с читателями библиотеки. Около часа он мог подремать, набраться сил, обдумать тему беседы. Галя знала о привычке писателя поспать в обеденное время, потому предложила ему пройти в спальную комнату. Белов наотрез отказался. Демонстрируя ясную внутреннюю бодрость, он усадил меня за письменный стол и заставил сочинять вместе с ним письмо губернатору области о помощи Троице-Сергиеву Варницкому монастырю в расселении людей, проживающих на его территории.

Удивлению моему не было предела. Обещание незнакомому бригадиру он решил реализовать сразу, не откладывая на потом.

Письмо мы сочинили быстро. Белов был доволен его содержанием. Пока он подсказывал мне детали совместного заступничества за монастырь, построенный на месте родительского дома великого заступника земли русской, вспомнилась статья Белова, опубликованная в восьмидесятых годах в «Литературной газете». В ней писатель не побоялся сказать о зарождении в стране «новой-

шего святотатства, бесцеремонно ступающего по нашей земле», подверг основательной критике тех, кто выставил мощи Сергия Радонежского на музейное обозрение. Кто еще из деятелей культуры и искусства в те годы атеистического торжества мог возвысить голос в защиту религиозного подвижника?! Кроме Белова, как всегда, это сделать никто не мог. Вспомнилась и история, как Белов и скульптор Клыков боролись за установление памятника преподобному... Эта история опять же свидетельствовала о деятельном характере писателя.

– Почтой лучше такие письма не отправлять, – предложил деловито Василий Иванович. – Поедешь на встречу с губернатором, вот его и прихвати. На словах добавь, какой чудный монастырь возрождается в его области.

– Хорошо. Обязательно скажу.

В кинотеатре «Спутник», где сельский люд занимал обычно места заранее, Белова ждал полный зал.

Идя на эту творческую встречу, я переживал больше писателя. В голове роилось много вопросов. Придут ли борисоглебцы на нее? Помнят ли они книги Белова? Есть ли у них интерес к беседе с большим писателем и останется ли доволен вопросами читателей сам Белов?

Не оставляло меня и чувство тревоги. Сумели ли организаторы творческого вечера – работники районной библиотеки – подготовить сценарий так, как мы его задумали? Без лишних формальностей, менторских нравоучений, затяжных докладов.

Сюжет сценария выстраивался из трех частей – небольшой концерт русских народных песен и мелодий, обсуждение новой книги писателя и беседа с писателем в форме вопросов и ответов. Музыкальные номера исполнить должны были детишки из местной музыкальной школы. Включил в концерт я и популярный в нашем районе ансамбль «Русичи». Ему поручено было сделать сюрприз писателю – исполнить его любимую песню «Услышь меня, хорошая».

Ансамбль выполнил поручение самым наилучшим образом. Песня времен молодости Белова прозвучала в исполнении троих молодых талантливых ребят так профессионально, живо, что всему вечеру был задан теплый, доверчивый и дружелюбный тон. У Белова подрагивали веки, глаза в любую минуту готовы были выпустить слезу. Трогательные слова, до боли знакомые, не раз спетые им под гармошку и без музыкального сопровождения, воспринимались им теперь, будто услышанные в юности. Неожиданность открытия вечера любимой песней сработала. Это сидящие

в зале почитатели творчества писателя не могли знать, почему именно эта песня стала лейтмотивом к вечеру. Правда, исполнители песни и тем более ведущие вечера – молодые, робкие девушки-библиотекари, впервые увидевшие живого классика литературы вблизи, знали о моем сюрпризе писателю. Но сам гость догадался: в посланном ему лирическом знаке кроется истинно дружеское расположение к нему и к его творчеству.

На теплый прием, добрые слова и цветы, знакомые, щемящие мелодии и дружелюбие он ответил откровением. Обычной искренностью, на которой держится любой продолжительный разговор о судьбах России, о творческом служении писателя.

Прошло несколько томительных, торжественных минут, и Белов вышел на сцену. Попытка дотянуться до высокого, вытянутого и изогнутого, как шея у жирафа, микрофона потерпела неудачу, и он тут же пошутил:

– Немного не дорос до микрофона, но что делать: такой уж есть.

Зал встретил его шумными, горячими аплодисментами. Он немного растерялся. Вернее, не ожидал в сельской глубинке таких оваций. Стоял обескураженный перед вытянутым микрофоном, опершись рукой на деревянную трость. Смотрел пристально в лица людей, сидящих в зале.

Белов одним махом захватил аудиторию. Подчинил ее себе. И чем дольше он говорил, тем отчетливее и яснее я узнавал прежнего Белова – с горящим патриотическим сердцем, с благородным волнением души. Его чистое, открытое лицо, то озорные, а то задумчивые глаза завораживали слушателей. В каждом писательском слове чувствовалось уважительное отношение к людям. Правдивое слово звучало к месту. И в нужный момент подчеркивало: Белов – писатель, не принадлежащий к числу льстивых угодников и обожаемых властью любимцев, он всегда независим, прямолинеен, строг. Он не любит засиживаться в почетных президиумах, не избегает открытого разговора с народом о политике. Вообще, литературный труд для него никогда не был ремеслом, возможностью прославиться и заработать, он был для него полем битвы за человеческие души.

Его бесполое отношение за судьбу России выражено не в одной статье и не в одной книге, и оно, конечно же, действует на расстоянии. Но совсем другое дело передать свою обеспокоенность людям с глазу на глаз, при живом общении, при возможности человека задать тебе встречный неличный вопрос.

В этот борисоглебский зимний день вопросы были все сложные, мудреные, но заданные с надеж-

дой узнать истину. Я чувствовал в каждом задающем вопрос человеке высокое доверие к писателю. Сохранившееся доверие. Ибо один из читателей не зря отметил, что Василий Белов и Валентин Распутин являются последними русскими писателями, которые не утратили связь со своим народом. И с ним невозможно было не согласиться. В России наступило время, когда во все сферы культуры и искусства проник дух наживы, культ денег.

Василий Белов с первых же вопросов дал понять читателям, что вина за происходящие события в России последних лет во многом лежит на интеллигенции, в том числе на писателях. Конечно, надо быть образцом, эталоном нравственного поведения, но главное все-таки в другом заключается, надо, по словам писателя, «неустанно бороться»... Не потому, что в борьбе проявляются лучшие человеческие качества, и не оттого, что вся жизнь – борьба, просто потому, что «справедливости и счастья можно добиться только борьбой».

Вопросы сыпались, как грибы из лукошка, – и много, и весомо, будто каждый штучный дар леса вылетал на стол.

Белову предложили сесть за стол, отвечать сидя. Но он упрямо стоял один на один перед высоким, загнутым книзу микрофоном, сложа руки на груди. Стоял с палочкой, невысокого роста, седой. Обладая беспокойным характером, храня во взгляде хитроватую крестьянскую лукавинку – усмешку героев «Привычного дела» и «Вологодских бухтин», он превращал разговор с читателем в серьезное занятие.

– Кто или что мешает нам возродить Россию? – вопрошал очередной читатель.

– Трусость мешает. Не надо ничего изобретать. Мы сами можем себя накормить, поднять сельское хозяйство, экономику. Нам только не надо мешать. Нам нужно избавиться от предателей. У нас всюду есть свои герои, экономисты. В сельском хозяйстве это Кондратьев, Чапанов. Прочтите, там все по полочкам расписано, что делать. Страна имеет и талантливых людей, и изобилие природных ресурсов. Беречь все надо... Тут мне один ваш литератор, писарчук в общем, прислал жалобу на реставраторов, мол, все храмы они разрушают. А я только что посмотрел два храма, восстановленные этими реставраторами, и поразился: да они хорошие мастера. Других ругайте...

– Василий Иванович, как вы почувствовали, что можете стать писателем?

– Ничего не чувствовал, просто захотелось стихи писать, потом рассказы, дальше, как говорится, – больше.

– Почему действие романа «Все впереди» про-

исходит в городе? Вы отказались от деревенской темы?

– Русский народ нельзя расслаивать на деревню и город, народ един. Большинство горожан родились в деревне, помнят свои корни, и я уверен: тянет она их – деревня!

Разговор о романе «Все впереди» понравился мне. Как, впрочем, понравилось и то, что Белов вскользь затронул конфликт между реставраторами и некоторыми писателями-дачниками, проживающими в Борисоглебе, и нашел возможным поддерживать мастеров своим авторитетом. На следующий день я намеревался показать писателю и памятники Борисоглебского монастыря, коим благодаря реставратору Александру Рыбникову была возвращена вторая жизнь.

Книга «Все впереди», казалось, издана была давно – в 1987 году (журнальный вариант годом раньше), и прошла якобы мимо читательского взгляда. Вышло наоборот. Книгу заметили тогда, прочли. Многие читатели, в отличие от заангажированных критиков, напуганных острыми темами романа, приняли ее с одобрением. И вот по истечении некоторого времени интерес к этой книге неожиданно вернулся.

Долготерпеливый читатель так и не принял обвинений критиков в адрес писателя – ретроград, мол, он, домостроевец, консерватор. Читатель уверен был – автор значительных, эпохальных романов не может написать случайной, беспроблемной книги. Изначально нечто пророческое и страшное виделось за сюжетом романа, за конфликтом между семьей как первоосновой ячейки человеческого общества и государственной машиной, ломающей все фундаменты и устои, на коих держится институт семьи. Белов предупреждал, предъявляя роман на суд народа, что главной болью писателя являлось тогда разрушение семьи, «которое может обойтись нашему государству очень дорого». И что? Разве не дорого обходятся сегодня России губительные и с каждым годом усиливающиеся, ослабляющие страну необратимые демографические процессы? Россия вымирает. И Белов предвидел, живописал и семью, где не хотят рожать и воспитывать детей, и государевых людей, не проявляющих должного рвения в борьбе с алкоголизацией населения, с оболваниванием его порнографическими фильмами. На примере общества таких безнравственных типов, как Миша Бриш, показано было будущее сегодняшнего дня – падение нравов, неспособность мужчин защищать женщин и детей, равнодушие и слабость тех, кому отказало мужество противостоять западным

культурным ценностям и моральному разложению. Белов почувствовал симптомы и боль вымирающей Родины и забил в колокола. Набатной силы был роман... Но власть и прислуживающие ей критики сделали все возможное, чтобы этот набат не был услышан народом.

Теперь народ сам отыскивает в уголках своей памяти отзвуки того беловского колокольного звона. Читатель спрашивает, кто же допустил в нашей стране подмену культурных и духовных ценностей, почему столько насилия и разврата течет с экранов телевидения?! И тут же сам отвечает: перестанем слушать и поддерживать таких писателей-могикан, как Василий Белов и Валентин Распутин, окончательно потеряем нравственные ориентиры. Они воспевают человеческую любовь, хранят исконные семейные традиции... Они воспевают образы, цементирующие семью, их герои не провоцируют конфликты между родителями и детьми, не отлучают детей от материнской опеки и заботы.

– Какие книги вы сами читаете? – слышится в зале тихий женский голос.

– Сегодня читал Митрофана Сурожского: никогда не надо осуждать, в каждом бандите, в каждом предателе нужно видеть росточки, задатки хорошего.

– Расскажите об опасностях, грозящих русскому языку.

– Русский язык губят основательно. Я много писал в защиту языка. И все напрасно. В газетах много элементарной безграмотности, журналисты не знают порой ни падежей, ни знаков препинания. А какое засилье аббревиатур! Сколько мата, пошлых анекдотов тиражируется. Беда. Наш язык страдает от большого и зачастую неуместного употребления иностранных слов. А язык, я вам скажу, это не только средство общения, но средство воспитания людей, это и образ мышления. Тут шутки опасны. Потеря языковой культуры, замена русских слов на иностранные, матерщина приводят к уродливому способу мышления. Страна сегодня в стадии языкового отравления. Сумеет ли сохранить язык – сохраним все. Россию, в первую очередь.

– Однажды мне посчастливилось прочесть вашу статью, кажется, под названием «Стыдно». Мне, как и вам, тоже стыдно за наш народ, отдавший страну каким-то жуликоватым банкирам и продажным телевизионщикам. Понятно, что всему виной – наша доверчивость... Русский человек привык верить слову, тем более сказанному по телевидению... Получается замкнутый круг, телевидение будет продолжать развращать и обманы-

вать народ, а обманутый народ не перестанет избирать вороватую власть?!

Белов с особым чувством уважения посмотрел на пожилую женщину, опрятно одетую, держащую в руке какую-то книжку и стоя ожидавшую ответ. С каждым новым вопросом к нему приходило и вдохновение, и желание общаться. Им, видимо, завладевало ощущение, что в зале собрались необычные люди. Я заметил: в начале беседы он подбирал слова, выстраивал образы, а затем, когда увлекся, его речь становилась более свободной, краткой, острой. Гражданская страсть оратора подкупала читателей. И тут уже интересно было наблюдать за теми, кто задавал вопросы. Они беспрекословно верили авторитетному слову писателя. Перед ними стоял человек необыкновенного обаяния. В его речи было все – и холодноватая интонация, и живой юмор, и богатая метафора, и спокойная справедливость. Это был настоящий русский защитник простых людей и в то же время это подлинный интеллигент – чуткий, искренний. В зале становилось все больше людей, желающих задать сокровенный вопрос писателю. Это свидетельствовало об одном – между писателем и читателем воцарилось полное взаимопонимание.

В этой продолжительной беседе писателя с читателями я чувствовал тонкость и нежность беловской души. Не раз мне на память приходили замечательные слова писателя Валентина Распутина: «У Белова – чистая душа!» Читательница, задавшая серьезный вопрос Белову, наверняка, как и я, чувствовала каждое движение его тонкой напряженной души.

Сегодня он возвращал русской литературе ее гражданское достоинство.

– Вы думаете, я знаю, почему народ терпит смердяковщину на телевидении?! – спрашивал себя и читательницу Белов. – Недавно я обратился к москвичам с письмом, в котором спрашивал, почему вы терпите власть, поставившую на грань вымирания русское крестьянство, терпите эти средства массовой информации? Боитесь гражданской войны?! Так она давно идет. И в другой своей статье «Окопы Третьей Отечественной» я обосновал признаки этой войны. Москва молчит... Между тем русские вымирают по миллиону в год. Моя деревня Тимониха уже десять лет не пашет землю. А ежели кто-то из крестьян решит сдать государству молоко или баранов на мясо, то получит отказ. Москвичи едят американское мясо, финский творог, но не наши харчи. Мой сосед Калистрат Хваткой только решил заняться фермерством, с трудом купил трех коров, как тут

же появились ветеринары. За бесценок приказали сдать коров как лейкозных. Разорился мужик. И никакой помощи от государства. Я во многих странах мира бывал, знаю, всюду государство дотирует сельское хозяйство. На американского фермера весь народ, вся промышленность работают. А у нас – власть разоряет деревню. Теперь про телевидение. Опять же посмотрел я за границей телевидение... Всюду, и во Франции, и в Италии, и в Японии, на телевидении нет той мерзопакостной порнографической кинопродукции, что день и ночь присутствует на наших телеэкранах. Весь мир оберегает детей от программ с показом сцен насилия, разврата, а мы все делаем наоборот. Беда – в продажных журналистах. Служат тому, кто больше платит, забывая о совести. Телевидение развращено долларами, потому и приучают людей думать только о наживе, деньгах. Но ведь для русского человека деньги никогда не были главным, определяющим. Давайте вместе бороться с этим злом. Выключим телевизор, хотя бы перед выборами, и выберем другую власть, ту, что с совестью, которая будет думать не о наживе, а о народе.

– Правда ли, что вы когда-то жили в Ярославле?

– Да, четыре года до армейской службы я жил в Ярославле. Недавно Анатолию Грешневикову показывал место в Ярославле, где я строил дома. Плотничать довелось много... Даже в Тутаев ходил на заработки. Ремонтировал там дома, в каком-то там колхозе собирали картошку. В Ярославле у меня по сей день живут родственники. Завтра вот соберусь и заеду к ним, навещу.

– Над какой книгой сейчас работаете?

– Пишу о композиторе Валерии Гаврилине. Для серии «Жизнь замечательных людей». Он наш – вологодский.

Десятки вопросов задавались писателю еще и еще. Борисоглебцев интересовала и дружба Белова с прекрасным русским поэтом Николаем Рубцовым, и каких молодых писателей он отмечает, и как относится к извечной проблеме России – пьянству, и что следует делать молодым людям для возрождения России. В который раз ответы писателя подтверждали слова многих ученых и деятелей культуры, что жизнь и творчество у Белова слиты воедино. Конечно, не всегда эти ответы были оптимистичны. Но смысл жизни для смелого и сильного человека в том и состоит, чтобы изменить мир к лучшему, работать на опережение, чтобы дать ориентиры своим современникам.

По ходу выступлений Белов спросил меня о мурее Мологи, не тот ли это город Молога, что был

варварски затоплен при сооружении Рыбинского рукотворного водохранилища? Узнав, что этот музей посвящен как раз затопленному городу, он выразил желание посетить его в будущем.

Народный художник России, участник Великой Отечественной войны Геннадий Александрович Дарьин подарил писателю свою картину.

А писатель-краевед из города Мышкина Владимир Гречухин высказал несколько суждений о последней публицистической книге Белова «Раздумья о дне сегодняшнем», вышедшей в издательстве «Рыбинское подворье», назвав ее правдивой и смелой. Он справедливо подметил, что публицистика писателя хоть и не похожа на другие его произведения, но автор в ней оставался верен себе, верен правде.

– Книга оказалась другая, и автор оказался другой, – признался краевед, приехав на встречу издалека. – Не хватало интонаций Василия Ивановича, речи его героев, немногословных, но выразительных пейзажей. Но потом я понял, что со страниц этой книги со мной говорят герои его великих творений, высказывают свое мнение о сегодняшней переходной эпохе. Что переход, может быть, и надобен, но переход не тот и не так, а более по-человечески, более по-русски.

Расставались борисоглебцы с Беловым тяжело, неохотно. Около часа брали автографы.

Я стоял рядом с писателем и молча наблюдал, как он продолжал общаться со своими читателями. Расспрашивал каждого, кто и где работает, как зовут-величают. Если у собеседника возникал вопрос, он охотно отвечал на него. В подобном общении заключен великий смысл – служение близким. А для писателя-патриота он еще и в том, чтобы не только бесстрашно сражаться за истину, не только пробуждать добрые чувства, но и побуждать людей творить добро. Белов счастлив был от осознания того, что его книги дошли до сердца читателя.

В наше время трудно найти писателя более человеколюбивого...

Неожиданно быстро и тепло у Белова установился контакт после общей встречи с читателями с журналистом областного телевидения Николаем Маштаковым.

По просьбе Белова наш маршрут лежал в Борисоглебский монастырь, и отменять его никто не собирался.

– Пошли к келье Иринарха, – скомандовал Василий Иванович. – Саша Рыбников рассказывал, с каким трудом удалось воссоздать ее первоначальный облик... Посмотрим, как ему это удалось сделать. И

стену монастыря покажите мне, ту, что он выпрямляет. Одни говорят, она упала, другие – нет... Сейчас удостоверимся, как работает реставратор.

Мне самому хотелось перед вечерним домашним чаепитием показать Белову те монастырские памятники, которые отреставрировал Александр Рыбников. В разговоре о наветах, что долетали до писателя в Вологду, появились бы твердые и неопровержимые аргументы. Рассказ об истории монастыря был запланирован у меня на утро следующего дня. Но планы спутал Маштаков. Ему не терпелось взять интервью у знаменитого писателя.

Конечно, только особое дарование журналиста, его умение расположить к себе собеседника могли остановить писателя, настроенного на встречу с кельей преподобного Иринарха, и втянуть его в откровенный душевный разговор.

Беседа проходила в администрации округа, где местный глава предоставил кабинет для чаепития и интервью.

Маштаков вел на областном телевидении одну из самых популярных передач «Лица». Для нее он и стремился сделать беседу с Беловым.

В который раз я поразился профессиональному таланту Николая Маштакова... Первые же его вопросы показали, как он долго и старательно готовился к интервью.

Началом к разговору послужил вопрос не о литературе, а о жизненных наблюдениях писателя. Маштаков поинтересовался, что в жизни русского народа он считает лишним, какие черты характера следует обречь на забвение.

На миг мне показалось: ответ будет однозначным – пьянство. Кто только не говорит сегодня об этом зле и кто только не мечтает избавить страну от алкогольного порока. Много статей о борьбе за трезвый образ жизни написал и сам Василий Белов. Одна из серьезных, аргументированных статей так и называлась «Акциз». А написана она была по следам бурных словесных перебранок Белова с министрами и академиками в кремлевских залах. Только вины писателя в бездействии и попустительстве академиков не было и не могло быть. И вот в этот миг ожидания для меня неожиданым оказался иной ответ Белова.

– Некоторая склонность к фамильярности, – отчеканил он твердым уверенным голосом, – это лишнее в нашем народе. Желание угодить иностранцам. Из той же области... Моя мать этот порок называла угодничеством.

По удивленному лицу журналиста можно было догадаться: и для него неожиданным, по-философски глубоким и значимым оказался ответ писателя.

– Фамильярность переходит в угодничество, – продолжил Белов. – Нам слишком хочется угодить... Мы слишком всех любим, понапрасну считаем, что все равны и все близки нам. Стоит иностранцу приехать к нам, как мы готовы тут же расстелиться... Помню первое появление в Вологде негра. Ехал я в автобусе, а он как раз и зашел... Так наши вологодские женщины тут же переживали, а смотрит ли он на них, а слышит и понимает ли их. Я почувствовал, как им хочется угодить иностранцу, угостить его. Нет, надо посдержаннее быть. Русский человек должен быть сдержаннее.

Маштаков почувствовал, что ему удалось завести писателя.

– Какие Вы еще опасности видите?

– Опасно сокращение населения. Нужно остановить демографическую войну. Средства массовой информации зачастую несут в народ не культуру, а антикультуру. То же делает и телевидение. Оно очень влияет на человека – идеологически. Сейчас появился еще Интернет. Он завладел умами молодых людей. И как мы будем спасаться от техники – я не знаю. Обилие разрушительной информации сегодня превосходит все допустимые нормы. Человек становится рабом техники, рабом информации. Весь мир под колпаком тех, кто владеет информацией.

– Ваше творчество я определяю как поэзию в прозе. И вдруг Вы идете в политику, занимаетесь ею активно... Зачем Вам это? Неужели Вы полагаете, что чиновники Вас услышат?!

– Меня многие спрашивали, почему я пошел в политику... Терпеть больше нельзя было. Страну разваливали... Боль за свой народ и заставила меня заниматься нелюбимой всеми политикой.

– У героев Ваших книг, в «Бухтинах», в «Плотничьих рассказах», нет трагизма, уныния. Все они жизнерадостные, светлые. Такое ощущение, что изнутри их свет идет. И Вы вместе с ними не устаете радоваться жизни? На склоне прожитых лет Вы не утратили еще интереса к людям?

– Не только не утратил, но этот интерес еще более проявляется у меня. Посмотрите, какие прекрасные люди живут и здесь, в Борисоглебе, и у меня на вологодской земле. Чистые лица. В глазах все есть... В них все написано... Жители провинции добры и деятельны.

– В книге «Лад» я часто встречал словосочетания «круглый год», «ритм». Вы четко обозначили условия необходимости жизненного ритма. До недавних пор жизнь русского крестьянина невысказанно была без ритма... А теперь ритма нет. Возможно ли его восстановить?!

– Ничего специально восстанавливать не надо. Ритм не утерян. Вернемся к Богу, и все потихоньку наладится... Возьмем вот ритм праздников. Каждый праздник сочетался с трудовым процессом. На день Николы Угодника мужики рубили, заготавливали дрова, на Успенье – шли на сенокос. Трудовой ритм сочетался с религиозным.

Тайны деревенских ремесел, праздников, традиций Белов помнил как «Отче наш», потому ответ о содержании книги «Лад» растянулся еще на полчаса. Многие тайны и мне, и журналисту, конечно же, были известны по книге, редкой по своему поэтическому строю и глубине осмысления крестьянского быта. А некоторые звучали откровением.

Интервью тянулось невыносимо долго. Пришлось намекнуть разговорившимся собеседникам, что на улице уже темно, а гость собирался совершить еще экскурсию в монастырь.

– Да-да, – вздохнул тяжело Белов и поднялся первым из-за стола. – Я бы взглянул сейчас на храмы монастыря.

– Теперь увидим только стены его, – вынужденно сказал я, не скрывая своего чувства сожаления. – Уже темно.

Тележурналисты быстро свернули свою аппаратуру и уехали в Ярославль. Маштаков остался в моей памяти как мастер разговорного жанра, то есть человек, способный разговаривать с любым немногословным собеседником. Я не переживал за передачу, которую он теперь подготовит для телезрителей. Наоборот, уверен был, что она выйдет интересной и содержательной.

Ворожденное небо раскинулось над нами во всей своей могучей красоте. Оно смотрело на нас яркими древними звездами, на тихий монастырь, стоящий рядом, на зеленый сосновый бор.

Главный собор монастыря, основанный во имя святых Бориса и Глеба, неподвижно, безмолвно засыпал. Его одинокий купол робко смотрел в небо своим бледным заспанным ликом. Но воображение Белова поражают высокие стены собора, нависший над входом заснеженный козырек, устремленные вверх кирпичные ступеньки – будто зовущие странствующий люд в храм.

Осмотреть собор нам удалось только снаружи. Вокруг него стояла густая темнота. Спуститься по тропинке, угадывая ее интуитивно меж угрюмых лип, к келье святого Иринарха я не решился. Лучше к ней пойти утром. Тем более есть уже договоренность с моим племянником Володей Матюхиным, студентом Московского архивного института, чтобы он провел экскурсию по монастырю и поведал некоторые интересные факты из его истории.

Чтобы сгладить неловкость от запоздалого присутствия в тихой монашеской обители, я пытаюсь рассказать о том, как сюда в старые времена в 1363 году пришел Сергей Радонежский и выбрал это место под строительство монастыря.

– Ты говоришь, самому преподобному Сергию Радонежскому приглянулось это место? – подталкивает меня к дальнейшему рассказу Василий Иванович. – Сколько же монастырей он основал?! Молодец!

Мне невольно приходится продолжать похвалу истории Борисоглебского монастыря. Рассказал, что основали его пустынножители Федор и Павел. Они пришли из Великого Новгорода. Пожили на реке Устье, а потом попросили у Сергия Радонежского, приехавшего в Ростов, благословение на строительство монастыря. Здесь любили бывать многие князья и цари, гостил император Александр Первый. Но главным событием является то, что в центральном соборе крестился первый царь, собиратель русских земель Иван Третий.

Более других именитых особ поразился грандиозности размеров обители император Александр Первый. Он воскликнул: «Это не монастырь, это – целый городок!» А когда узнал от монахов о том, что вся обитель в окружности более версты, решил пройтись вдоль ее высоких стен.

– Пройдем и мы к стене, – предложил Белов. – К участку, который реставрируется.

– Думаете пройти так же вдоль стен, как Александр Первый? – улыбнулся я. – Или хотите удостовериться, что стена, реставрируемая Рыбниковым, не упала?!

– Раз мы здесь, значит, стена стоит, – парировал Белов.

Реставраторы выпрямляли восточную стену монастыря. Вечером к ней также был затруднен проход. И я повел Василия Ивановича обратно из монастыря на улицу, чтобы показать ему аварийную стену с освещенной стороны. Около нее стояли уже строительные леса.

Восточная стена имела наибольшие повреждения и прогрессирующий крен по сравнению с другими. Она включала в себя две угловые и две средние башни, между которыми заключены были три прясла. Высота стены составляла, как говорил мне Александр Рыбников, ровно двенадцать метров. Грандиозная высота!

Конечно, лучше Рыбникова никто не поведал бы Белову историю усиления фундаментов, оснований и устранение крена северного прясла восточной крепостной стены монастыря. Но Рыбников сидел в это время у меня дома и ждал нас за праздничным столом. Он не знал, что Белов уго-

ворит меня пойти вечером посмотреть его работу.

Но мне нетяжело было вести рассказ о проделанной работе и планах реставраторов. Около самого аварийного участка, у северного прясла, стояли в качестве экскурсантов и слушали Рыбникова многие деятели культуры, писатели, физики, священники. Трудно сказать, кого только не было здесь... После газетных сплетен, сострепанных недоброжелателями, сюда многие заглядывали, хотели удостовериться – уронил Рыбников стену или восстановил, выпрямил. Приезжали и те, кто просто хотел выразить восхищение виртуозным мастерством и профессионализмом Рыбникова. И не я, а сам реставратор показывал свою работу писателю Валерии Хайрюзову, композитору-балалаечнику Юрию Клепалову, главному редактору журнала «Наш современник» поэту Станиславу Куняеву, кинооператору Анатолию Заболоцкому. Но злопыхатели на то и существуют, что для них нет авторитетов, для них нет ничего святого, даже несмотря на то, что они считают себя православными людьми, прихожанами здешнего монастыря, они продолжали сочинять небылицы... Одна из них долетела до Белова.

Развенчать ложь тех лжепатриотов, которые называли реставратора бракоделом, мне не составляло труда. Мы подошли ближе к северному пряслу, и я показал крепко стоящую стену... К 2000 году максимальный крен этого участка достигал 0,98 метра, а угол уклона шесть градусов. Стена могла вот-вот рухнуть. Какие спасительные меры предпринимали сочинители небылиц, мнимые защитники монастыря? Никаких. Они равнодушно взирали на разрушающуюся стену. Так же равнодушно они смотрели все десять лет на то, как в монастыре гибли под дождем и снегом брошенные государством и людьми православные святыни – келья Иринарха, Благовещенская церковь, настоятельские покои. Не провели ни одного субботника по спасению зданий и благоустройству территории. Не вбили ни одного гвоздя... Не положили ни одного кирпича. Своим долгом, лептой в восстановление одного из самых древних монастырей Ярославской области они считали возможность постоять со свечой в церкви. Забыв, что «вера без дел мертва». Еще они взяли на себя миссию строчить жалобы на реставратора Рыбникова. За один лишь год, по моим подсчетам, написано, направлено, опубликовано было ни много ни мало, а порядка ста двадцати шести кляуз. Ни одна из них не подтвердилась.

И пока сочинялись жалобы, создавались комиссии, распространялись ложные слухи, в монастыре кипела работа, там под руководством

Александра Станиславовича Рыбникова восстали из разрухи и гниения и келья, и церковь, и настоятельские кельи.

И сегодня одни продолжают писать тирады и пасквили, охая и ахая около падающей стены, а реставраторы отбиваются от мешающих работать и выпрямляют северное прясло. Наперекор всему.

Рыбников установил: основной причиной деформаций и опрокидывания северного прясла является эксцентричная передача нагрузки на фундаменты, что обусловлено геометрической формой стены и наличием под подошвой фундамента полостей от деструктированных деревянных свай.

– Проще говоря, под стеной на месте старых фундаментов сгнили бревна, образовались пустоты, и стена стала трещать и падать, – перевел на разговорный язык Белов мой рассказ с научными терминами. – А что дальше?! Выходит, фундамента под стеной нет.

– Перед тем как начать работы по устранению крена, надо было произвести, конечно же, цементацию фундаментов, – продолжал экскурсионную речь я. – Рыбников стал закачивать цемент в пустоты... Он хотел установить контакт стены-фундамент-грунт. Но вначале у него ничего не получалось. Он закачивал под стену цементную смесь, а она уходила куда-то. Небольшие федеральные деньги, которые мы с трудом выбили в Министерстве культуры, закончились... Рыбников закупал цемент за счет средств предприятия, по большому счету, сам зарабатывал на проектировании других объектов, вновь закупал цемент и закачивал его под стену. Вскоре ему удалось остановить утечку смеси, удалось омонолитить древнюю бутовую кладку фундамента. Это был первый успех. Полости от сгнивших свай заполнились крепким цементным материалом. Уплотнены были и грунты основания. Параллельно с укреплением фундамента проводились работы по закреплению аварийного прясла стены временными деревянными подкосами...

– Это вот они?! – Белов показал рукой на подкосы из бревен, припавшие к стене.

– Да. А с противоположной стороны Рыбников стену скрепил стальными тязами. Сегодня мы их не увидим, а завтра я покажу их, они прикреплены к специальным горизонтальным якорям. В общем, стена защищена от падения с двух сторон. Тяжи Рыбников сделал на заводе. Они оснащены натяжными муфтами. Для увеличения пространственной жесткости стену усилили опять же с двух сторон – временным стальным каркасом. Его можно назвать бандажом.

– Они похожи на балки...

– Каркас и сделан из швеллерных балок.

– А зачем в стене сделаны такие проемы?

– Вертикальные проемы разделяют падающую стену на отдельные блоки. Стена будет выпрямляться не вся целиком, а отдельными блоками. Рыбников называет эти проемы штробами.

– Как?

– Штробами. Так называются на языке реставраторов швы. Они выбраны, кстати, вручную – сверху и донизу.

– Вот этот шов, я смотрю, Рыбников сделал на месте больших трещин.

– Швы, действительно, совмещались с трещинами. При повторной кладке их не будет. Когда все блоки выпрямят, то швы заложат, и стена будет вновь единым монолитом.

– Кажется, один блок уже выпрямлен...

– Заметили. Вот то-то и оно, что часть стены уже стоит прямехонько. Один блок только что выпрямлен. А они, эти столичные баламуты, понаехавшие к нам на дачи, пишут всюду, что стена упала, пытаются вас ввести в заблуждение, мол, реставраторы тут бракоделы.

– Какие бракоделы? – улыбнулся Белов. – Они молодцы. Мастера, словом. А какое же расстояние здесь между блоками?

– Тридцать два метра.

– Как же Рыбникову удалось сдвинуть с места такую махину – такой тяжелый блок? Он наверняка несколько тонн весит.

– Каждый блок стены в среднем весит 1200 тонн. Выпрямление блока осуществлялось стяжными муфтами. Вот они. Каждый тяж натягивался вручную... Эту работу, конечно, надо видеть. На словах трудно объяснить. Все ребята, которым я показывал выпрямленный блок, удивленно качали головой. Говорят в один голос: Рыбников сделал невозможное. Через месяц он все блоки выпрямит. Приезжайте, все увидите своими глазами.

– Работа уникальная... Хорошо все Рыбников придумал, мастерски.

В Белове от увиденной выпрямленной части стены проснулся искренний бесконечный восторг. Он долго стоял в раздумьях около стены, рассматривал кирпичи, бревна, стяжные муфты. Через месяц вряд ли он соберется в дорогу, чтобы увидеть, как оставшиеся блоки выпрямятся по струнке в ровную длину. Но я был уверен, что через месяц он обязательно пришлет письмо и передаст Рыбникову слова благодарности за его благородное дело, в которых будет заложена уверенность, что стена окончательно выпрямлена и монастырь стоит несокрушаем, монолитен.

Перед тем как идти домой, Белов добавил к нашему разговору:

– Я сам теперь напишу про этих писарчуков, как они не правы... Если их не усовестить, они и дальше мешать будут работать. И тебе нервы будут портить. Я им дам отпор. Писарчуков надо вовремя останавливать, иначе они и свою жизнь впустую проживут, ничего доброго не сделают, и другого, работающего человека, заедят.

– А может, и не надо с ними связываться, Василий Иванович? – тяжело махнул рукой я. – Как в народе говорят, собаки лают – слон идет.

– Нет, я напишу все же...

Дорога домой под светом уличных фонарей сузилась до узкой тропинки. Мы прошли деревянный мостик, подышали речной водой, постояв несколько минут в раздумьях посреди мостка, и двинулись к моей квартире. Там нас ждала дружная компания, в том числе и Рыбников.

Первое обращение писателя адресовано было, конечно же, реставратору.

– Стена-то монастырская стоит! – сверкнул веселыми глазами он. – Крепко стоит.

– Что с ней станет, Василий Иванович?! – отозвался Рыбников. – Стояла и будет стоять. Через месяц все работы на ней закончим.

Несмотря на праздничное застолье, уберечь Белова от разговоров на серьезные литературно-публицистические и общественные темы не удалось. Он вновь попал под обстрел всевозможных интересных вопросов.

Разговор с ним затянулся до глубокой ночи.

Я переживал, что оставленное короткое время на ночь не позволит Василию Ивановичу хорошо выпастаться и мы опоздаем на экскурсию в монастырь. Но переживания оказались напрасными. Белов встал утром рано, и не просто рано, а раньше всех.

Над могучим утренним монастырем кружил тихий ласковый ветер. Около деревянных решетчатых ворот стоял в ожидании нас Володя Матюхин. В его юношеских глазах отражалось волнение – все-таки не каждый день он видит живого классика литературы, а про экскурсию и говорить нечего – для него она вторая в жизни. А попросил я его провести экскурсию не случайно, – он до редких деталей знал историю монастыря, хорошо разбирался в законах и стилях архитектуры.

– Второй день у нас с тобой, Анатолий, начинается с монастырских ворот, – сказал Василий Иванович и снял перед входом зимнюю шапку.

– Думаете, это не случайно?! – шутливо откликнулся я.

– Ничего случайного в нашей жизни не происхо-

дит, – услышались строго отчеканенные слова уходящего в глубь проснувшейся светлой обители писателя. – Все мы ходим под Богом.

Снег в монастыре лежал белым полотном, издали слегка сливаясь с белокаменными церквами. Кругом – ни монахов, ни случайных путников. Тишина. Безмолвие. И лишь редкие синички напоминают нам, что здесь мы не одни.

Вчерашние памятники архитектуры встречали нас как знакомых. По крайней мере, так мне показалось. Со вчерашнего вечера не так много и времени прошло... И Белов узнавал их, и демонстрировал экскурсоводу некоторые правильные названия архитектурных шедевров.

Разговорившийся будущий историк-архивист не забыл ни одной даты основания монастырских построек, ни одной фамилии мастеров, чем очень порадовал писателя. Еще больше потрясла Белова история монастыря в Смутное время. По всей округе сожжены врагами монастыри, а здешний уцелел. Спасся благодаря смелости преподобного Иринарха.

По едва видной ненаторенной тропинке мы прошли к келье Иринарха. Ее небольшой силуэт проглядывался между красивого ряда высокоствольных раскидистых лип. Примыкала келья прямо к восточной стене, рядом с которой трудились в рабочие будни реставраторы. Подойдя к келье, я не преминул напомнить Василию Ивановичу вчерашний рассказ о том, какими усилиями и талантом выпрямляется данная стена.

– И саму келью восстановил буквально на пустом и разоренном месте Саша Рыбников, – добавил я. – Чертежи составлял по редким находкам, воспоминаниям старожилков.

– Иконка здесь красивая, – рассмотрел святой лик Белов, перекрестился и прижался к келье. – Но кто-то на нее уже посягал, хотели вытащить из киота...

На маленькой яркой иконке заметно виднелись следы от какого-то острого предмета. У неизвестного воришки явно зрел замысел достать иконку из плотного кирпичного киота, однако сделать ему это не удалось. От поперечных острых ран икона утратила налет современности.

– Бог бережет, – откликнулся вновь на разговор я. – Ее, кстати, художник Антон Стекольников писал.

– В этом месте у стены и находился Иринарх в затворе? – неожиданно Белов переключился на другую тему.

– Здесь он жил, молился, беседовал с путниками, благословлял их, раздаривал им пищу и одежду. Здесь он встретил и нижегородских лидеров ополчения, русских патриотов Минина и Пожарского, пришедших сюда за благословением...

– Ириарх их благословил...

– Дал еще в помощь святой крест... Предрек безусловную победу. В Житие преподобного Ириарха написано, что он обладал удивительным даром прозорливости. В начале своей юной жизни далеко за пределами родного дома благодаря своему дару видения он точно распознал время смерти отца, но более всего известен факт предсказания затворником нашествия на Русь поляков и литовцев... Тогда Ириарх пустился пешком босым ходом в столицу, чтобы предупредить царя Василия Шуйского о грядущей войне. Известно, что царь его принял и выслушал, а затем вместе с царицей наградил за мужественный поступок царской повозкой.

– Предпринял ли что царь после предсказания?..

– Видимо, Василий Иванович ничего не предпринял, не обезопасил даже Москву, так как полякам удалось ее захватить.

Келья Ириарха долго не отпускала Белова. Для него неожиданным стало то, какую выдающуюся роль сыграл борисоглебский монах-затворник в избавлении России от Смуты. Его вопросы ко мне и к молодому историку выдавали пробудившийся в нем живой интерес к этой личности.

Не забыл сказать он добрые слова и человеку, сумевшему проникнуться деяниями и подвигами преподобного Ириарха и построить на разрушенном месте новую келью, которая органично вписалась в монастырский ландшафт. Возведение кельи Александром Рыбниковым Белов посчитал главным благородным делом реставратора... С этим утверждением никто не спорил. Значительная часть паломников, приезжающая в неприметный поселок, стремится сразу найти именно келью прославленного монаха-затворника. Наверняка и сам Рыбников не стал бы оспаривать слова писателя, ведь общее возрождение монастырских зданий он начал как раз со строительства кельи Ириарха.

Долгое время Белов простоял возле кельи с непокрытой головой. Сжимал крепко в руке помятую шапку и смотрел на миниатюрный купол с крестом, царящий над кельей и вбирающий в себя пробуждающиеся утренние солнечные лучи.

Живой морозный свет раннего солнца попал и на иконку. Она вдруг по-новому явилась нам. Белов повторно осмотрел ее, перекрестил лоб и вымолвил слова радости от встречи с ней. Не преминул вспомнить и другую икону – «Богородица Подкубенская (Умиление)». Где, когда и при каких обстоятельствах явилась ему эта икона, я не знаю, но где-то год назад он прислал мне письмо

с просьбой посодействовать в получении цветного фотоизображения ее из Ростовского музея-заповедника. Сотрудники музея по каким-то непонятным причинам затягивали фотосъемку иконы и не высылали копию... У писателя не хватило терпения, так как редактор требовал иллюстрацию к его новой книге, и он обратился ко мне. Конечно, я потревожил работников музея, и они выслали мне, а я в свою очередь Белову две прекрасные фотографии. На них Богородица прижимала Младенца Христа к своей щеке.

Смягчилось, подобрело сердце у Белова и при виде иконы на келье Ириарха. Здесь образ был совершенно иной – строгий и смиренный. На твердой поверхности доски сиял знакомый лик Спасителя.

– Нравится, Василий Иванович, икона? – осторожно спросил я.

– Редкое сияние света Божия, – восторженно отзывается Белов.

– Лик очень выразителен, – соглашаюсь с добрым отзывом я. – Антону Стекольщикову удалось передать и тревогу, и жертвенность.

– И как профессионально передано многообразие чувств – волнение, душевное смятение, радость, печаль.

– Василий Иванович, кроме кельи Ириарха надо еще осмотреть другие достопримечательности – и Благовещенскую церковь, и настоятельские покои, и вот этот рядом стоящий собор Бориса и Глеба. У нас свободного времени – целый час. Но если вам достаточно знакомства с одной кельей, то можно выдвигаться на встречу с читателями.

– Никуда из монастыря мы не пойдём... Читатели подождут...

Наша следующая задержка в осмотре достопримечательностей святой обители произошла у собора Бориса и Глеба.

Молодой историк отметил, что собор – четырёхстолпный, одноглавый, относится к редким каменным строениям шестнадцатого века. В Ярославском крае таких памятников немного. В их архитектурных деталях заметно просматривается влияние мастеров Москвы. В те времена в столице строились храмы точно с такими же ясными и простыми формами. Никаких излишеств. Храмы скромны, но высоки, стройны и монументальны.

Той же скромностью в убранстве и величавой монументальностью отличается собор Бориса и Глеба. Смотришь на него и диву даешься, как мастер умело сочетал разные архитектурные формы для достижения особой выразительности. Здесь присутствуют шлемовидный купол, строгие

перспективные порталы, три прясла, лопатки, роскошные кокошники.

Белов то и дело просил экскурсовода не торопиться, пытался разобраться в оригинальных особенностях собора, в творческой манере архитектора.

Меня вновь удивляли любознательность и дошность писателя. На его смуглом, напряженном лице светились чистые, добрые глаза. Помахивая палочкой, он то подходил поближе к храму, то отдался от него. Старался рассмотреть, как гармонично сочетаются на одной стене и округленные, и четко выраженные грани декора. Ход его мыслей не только не отставал от пояснений и рассуждений экскурсовода, но порой и опережал их.

– Стройный вид такого собора-исполина дают и красиво вытянутые порталы, и особенно вот эти граненые стены небольшого алтаря, – размышляет вслух Василий Иванович, делясь неожиданными открытиями.

Взгляд писателя в эти минуты был исполнен серьезности и даже строгости.

Заснеженная земля вокруг собора только что хранила первозданность чистого, нетронутого снега, отсутствия всяких человеческих следов, и вдруг в короткое время она была истоптана снующими, как муравьи, расторопными мужиками.

Растущая рядом с храмом раскидистая береза напоминала о размеренности и простой, тихой жизни монастыря.

Белов напряженно вглядывался в своды и арки, в щелевидные окна собора, и я мог только предположить, что перечувствовал и передумал он в своем воображении, отгадывая загадки древних мастеров.

В небе послышался гул самолета, и тотчас над восточной стеной, обнятой строительными лесами, и над возвышающейся могучей башней возник в синем пространстве белесый космический след.

Белов подошел к приделу собора, тяжело поднялся по высоким ступенькам вверх к плотно закрытой двери...

– Храм закрыт, на двери же замок висит, – пытался остановить я Василия Ивановича по ходу его подъема.

Белов упрямо дошагал до двери, потрогал ее и, убедившись, что она действительно закрыта, спустился вниз. Сегодня не довелось увидеть убранство храма, иконостас, икону «Житие Ириарха», написанную все тем же художником Антоном Стекольниковым, настенные росписи художника Ф.Е.Егорова, выполненные маслом, по мотивам росписей великого живописца В.М.Васнецова в киевском Владимирском соборе.

Закрытой оказалась и Благовещенская церковь.

Раннее утро – не лучшее время для знакомства с жизнью монастыря. У монахов после вечерней службы, видимо, свой распорядок дня, а у работников музея, скорее всего, был выходной. Беспокоить монахов и просить открыть храм мы не осмелились. Хотя настоятель обители наверняка узнал бы в бородатом, невысокого роста, беловолосом как лунь человеке замечательного русского писателя с мировой известностью, награжденно за религиозную подвижническую деятельность Патриархом Русской православной церкви и всея Руси Алексием Вторым двумя орденами – орденом святого князя Даниила Московского и орденом преподобного Сергия Радонежского. Узнали же его простые жители поселка, придя на встречу с ним в кинотеатр, задав массу злободневных вопросов и в который раз удивившись порядочностью, совестью писателя и его огромной волей к жизни.

Неожиданный короткий порыв ветра заставил Василия Ивановича надеть головной убор. Свежий ветерок не был опасен, но мы стояли на сквозняке, и мой гость довольно часто ходил с обнаженной головой, кланяясь местным святыням.

– Если мне память не изменяет, то в этой церкви Рыбников нашел фрески Благовещения, – Белов так сильно напряг лоб, что волна мелких морщин поднялась к краю шапки.

– Ну, у вас, Василий Иванович, и память, – качая головой я.

– Ты же сам очерк мне об этом присылал...

– Это же давно было.

– Надо было Рыбникова с собой взять. Пусть бы показал фрески.

– Вряд ли они у него в мастерской хранятся. Кажется, он их в музей передал.

– Почему не в церковь?

– А что они с рассыпанными, разбитыми еще в старину фресками будут делать?! У них и специалистов нет собрать, установить их. Сам Рыбников тоже не может. Тут особый талант нужен, другие специалисты-профессионалы.

Восстановление Благовещенской церкви далось Рыбникову с большим трудом. Памятник находился в руинном состоянии. Осложняли ход реставрации многовековые изменения, надстройки, переделки. С появлением в монастыре каждого нового настоятеля церковь перестраивалась, потому за несколько веков в одном памятнике архитектуры образовалось несколько памятников. От Рыбникова потребовались героические усилия составить и реализовать проект таким образом, чтобы сохранить в каменном строении детали трех

веков. То, что реставратору это удалось – факт, свершившееся чудо. В этой истории кроются истоки профессионального мастерства, целеустремленности, неизменчивости и цельности личности героя. В благодарность за возрожденный и сохраненный памятник ему открылись фрески Благовещения, спрятанные старыми дореволюционными мастерами, участвовавшими в переустройстве церкви. Фрески лежали, аккуратно убранные под высокими сводами, в потаенных замурованных нишах. Эти ниши выполняли роль «слухов». Исследовав спрятанные куски штукатурки с фрагментами фресок, собрав из них на более чем квадратном метре центральный образ Благовещения, реставраторы догадались, что именно до них оставил эту тайну старый мастер. Ему жалко было уничтожать фрески, и он замуровал их до лучших времен. Ценнейшие фрески принадлежали мастерам недостижимого семнадцатого века!

Изначально церковь с трапезной палатой была построена известным ростовским зодчим Григорием Борисовым. К ней сразу были пристроены настоятельские покои.

Древние мастера перестраивали церковь, трапезную и покои так скоро и основательно, что переделывались, менялись не только фасады, окна, крыши, но и внутренние перегородки, стены. Церковный комплекс разных зданий незаметно утратил свои первоначальные древние русские формы. Особенно сильно пострадал внешний вид церкви в семнадцатом веке. Рыбникову пришлось почти заново восстанавливать фасады, наличники, орнаментальную роспись, парадное крыльцо с галереей-гульбищем. Белов с трудом отгадывал, где оставил след Григорий Борисов, а где проявил творчество Александр Рыбников. По его

признанию, в разгадке ему помогали знакомые детали и аналогии композиции здания с Ферапонтова монастыря. Особенно угадывалось сходство некоторых типов сооружений, например, паперты у трапезной. Точно такими же типами трапезных он любовался у себя на родине – в Спасо-Прилуцком и Ферапонтовом монастырях.

Благодаря цепкости внимательной памяти писателя я тоже припомнил многие строения вологодских монастырей и их особенности. Каменные узоры сказочно украшенных, пышных крылец и трапезных так сильно запали в сердце, что спустя пару лет после моего совместного с реставратором Рыбниковым посещения Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей снова ожили и породили новые видения. Прав Белов – как все это было давно и как близко в памяти.

Белов долго не мог найти себе удобного места для окончательного осмотра... Постоял то у высокого подклета настоятельских покоев, то у каменного крыльца с зеленеющим светом изразцов, а то дважды вышагивал взад-вперед у обширных палат. Всюду оживленный вид Благовещенской церкви радовал глаз. Но Белов доверял своему взгляду...

– Красивое здание, – признался Василий Иванович. – Ваших мастеров следует беречь.

– Бережем, – вздохнул я, вспоминая, какие споры шли вокруг реставрации церкви и как долго и

порой безрезультатно приходилось помогать современному мастеру в его тяжелой работе.

– И защищать надо...

Подошло время посмотреть на единственную звонницу в монастыре. Три маленьких главы на тонких и длинных барабанах придавали зданию вечное и неустойчивое стремление вверх. А небо будто ждало движения... Над главками с позоло-

*Александр Рыбников раскрывает
секреты реставрации Василию Белову*

ченными крестами ярче засверкали холодные лучи солнца, углубилась синева. Легкость звонницы возникала также благодаря многим продолговатым, глубоким и вытянутым оконным проемам.

Не спеша мы прошлись по белоснежной тропинке вдоль звонницы, полюбовались ее стройностью и нарядностью.

Ненарушимая тишина подталкивала нас к тому, чтобы задержаться еще на полчаса в монастыре. Мешала продолжению великолепного осмотра лишь очередная запланированная встреча с читателями.

Только случайно возникший в морозном воздухе колокольный звон мог сорвать наши планы и задержать нас посреди монументальных, суровых и красивых храмов.

Последний наш разговор о проблемах реставраторов оставил в душе некоторую неловкость, а может быть, и чувство стыда, ведь мне совершенно не хотелось посвящать Белова в этот чудный приезд на древнюю землю борисоглебских слобод в житейские и никому не нужные дрязги. Мне хотелось как-то сгладить последние впечатления от горячего разговора, и я вспомнил, как в стоящей перед нами Сергиевской церкви пела изумительным чистым и светлым голосом невероятно талантливая певица Татьяна Сеницына. Она приезжала ко мне в гости, и в один из дней мы пришли с ней в монастырь, и она, увидев этот чудо-монастырь, от радости и восторга запела в просторном, сильном на акустику, белостенном зале в полный голос... Запела старинные русские песни. И храм ожил. И монастырь ожил. И вся природа вокруг, и все люди, шедшие рядом со стенами не обжитой еще обители, встрепенулись и засияли улыбками. Такова была сила таланта, радость от встречи и... мощь русской песни!

Мой рассказ очень понравился Белову. И он попросил меня в случае обнаружения кассеты с голосом Татьяны Сеницыной выслать ее ему.

– Вот если бы у всех людей, как у Сеницыной, были чистые помыслы и чистый голос, – сказал Белов, направляясь за мной к открытым настежь воротам. – Мир наш точно бы был чище и светлее.

– Татьяна Сеницына в тот день заповедала твердо надежду на прилив веры в народе, – мгновенно, с живым интересом и вдохновением отозвался я на добрые слова и внутренние ожидания Белова. – Значит, борисоглебцам следует гордиться такой великой историей и надо стремиться к созиданию, к увеличению добра.

Белов посмотрел на меня веселым, доверительным взглядом, и чувство необыкновенного счастья уже не оставляло меня весь день. Это ра-

достное чувство возникло от того, что он меня понял, что ему по душе пришлось паломничество в монастырскую обитель, что восстановленные реставратором Рыбниковым памятники живут и будут жить века. В который раз твердым и мудрым поступком Белов подтвердил старое правило, что редкое и счастливое умение разных людей ценить друг друга зависит только от правды. А правда была на стороне того человека, который заставил нас восхититься сохраненными, израненными временем и бескультиурьем людей великими православными памятниками. Что ни говори, что ни пиши, «а вера без дел мертва».

У Александра Рыбникова теперь есть еще один заступник, вернее, понимающий и одобряющий его дела пишущий человек. Понимающий правду, пишущий правду. Теперь ему должно стать легче, ведь по-настоящему утешают не слова, а готовность друзей к действию.

Редкая профессия дается Богом исключительно редким людям. К такому выводу пришли мы с Беловым одновременно, поклонившись на прощание православным святыням... Хорошо, чтобы к тому же пришли бы и другие люди.

Монастырские ворота скрипнули нам вслед, и все белокаменные церкви, звонница и настоятельские покои ушли от глаз в холодные дали.

Небо было ровно, глубоко...

Прошел месяц, будто снег в монастыре.

Вдруг я получаю письмо из Вологды. Белов прислал обещанную статью в защиту Рыбникова. Оно не могло не порадовать меня, ведь своим смелым выступлением он ограждал и меня от несправедливых. Доброе бескорыстное слово поддержки нужно было и Рыбникову. Пока Белов писал «охранительную» статью, за окном бушевало бурное, деятельное время. В нем растворялся весь измученный, мятежный Рыбников. Весь этот месяц он вращался в монастырскую стену, держал ее, двигал по шарнирам и выпрямлял... Блок за блоком вставал по ровной линии, занимая нужное место. Стена трещала, издавала непривычные, столетней выдержки, вздохи. Где-то далеко за ее пределами слышался неугомонный нездоровый шепот о том, как стена завалилась, упала и рассыпалась на кирпичи.

С письмом в руках я отправился вечером в монастырь к Рыбникову. Рабочий день давно закончился, а он не покидал опасную восточную стену, задерживался, заставлял волноваться меня.

Приближающаяся январская темь вынуждала спешить. Я ускорял шаг и не переставал думать о Белове. Следовало переживать о том, как там у Рыбникова крен стены выпрямляется, а у меня из

головы не выходит дума о письме. Статья Белова помогала мне в понимании особенностей русского характера. Это был очередной смелый и в то же время непоказной, неожиданный поступок великого писателя. Он обогащал мои представления о честности...

Я зашел в монастырь. Тяжелые ворота скрипнули знакомым звуком, и я тотчас вспомнил, как мы с Беловым проходили сквозь их нутро. Тогда небо уже зажглось звездами. Сегодня их время не подошло. Я остался один... Мне приятно шло с темным, тихим тропинкам. Вспомнились почему-то стихотворные строки Николая Рубцова:

*И храм старины – удивительный, белоколонный
Пропал, как виденье, меж этих печальных полей.
Не жаль мне, не жаль разрушенной царской короны,
Но жаль мне, но жаль разрушенных белых церквей.*

Глухой стук в верховьях кирпичной стены привел меня прямо к Рыбникову. Группа реставраторов устало переминалась с ноги на ногу и наблюдала за приборами, подсказывающими окончание опасных работ.

Отозвав Рыбникова в сторону, я сказал о письме Белова... Но он не понял, о чем речь, и, глядя на меня с чувством исполненного долга, с такой полнотой и безмятежностью, посоветовал срочно телеграфировать Белову обратным текстом:

– Стена выпрямлена. Стоит как струна. Завтра начнем закладывать швы. Приезжайте констатировать факт победы!

Слова реставратора звучали уверенно, напористо. Они вселяли спокойствие в рабочих. Пять минут назад было последнее натяжение троса,

последний скрип шарниров – и вот стена замерла как монумент. Она пугает своим тяжелым дыханием, а рабочие не боятся. Дело сделано. Блоки в тисках, в надежном биндаже. Конечно, руки чешутся по строительному мастерку, хочется быстро заложить кирпичами продольные швы. Но эту работу придется делать завтра. С другим настроением – более уверенным, победным.

Монастырская стена вроде как испытала второе рождение. Запыленные, одряхлевшие кирпичи будто проснулись от долгой спячки. Живой, таинственной силой наполнилось их нутро. Лишь молчаливый благодетельный ветерок слышит их раскрепощенные спасительные речи. Молчит от переизбытка чувств и Рыбников. Гордой радостью наполнено его сердце... Им выиграно еще одно сражение. Он сделал то, в чем был уверен, – восстановил былую мощь и красоту уникального памятника архитектуры.

Мы идем вдоль монастырской стены, и первые морозные звезды вспыхивают над ней. Теперь им долго придется освещать эти стены.

□

Анатолий Николаевич ГРЕШНЕВИКОВ

родился в 1956 году в Ярославской области.

В 1990 – 1993 гг. – народный депутат РСФСР, член Верховного Совета,

с 1993 года депутат Государственной думы

Федерального Собрания Российской Федерации.

Член Союза писателей России, автор более двух десятков книг.

Среди них – «Копье Пересвета», «Жар русской печи», «Зеленый посох»,

«Журавли из небытия», «Дом под кронами дубов»,

«Эра экологического апокалипсиса»,

учебное пособие «Экологический букварь».

Лауреат премии Союза журналистов СССР,

лауреат премий журнала «Новый мир»,

журнала «Сельская новь», газеты «Сельская жизнь» и других.

В журнале «Север» публикуется впервые.

